

обучать их чтению: сначала на доминантном языке или на том, в котором соотношение между буквой и звуком более предсказуемо и закономерно. Опыт некоторых семей показал, что дети способны успешно овладеть навыками чтения сначала на недоми- нантном языке, а затем не менее успешно научиться читать на доминантном; в других семьях дети ус- пешно научились читать на двух языках одновре- менно. Вероятно, выбор решения о том, как обучать чтению – одновременно или последовательно, – за- висит от того, какие цели ставят родители. Учитывая те условия, в которых воспитывается ребенок- билингв, можно предположить, что именно родители способны принять наиболее подходящее и взвешен- ное решение. Необходимо отметить, что навыки чте- ния на одном языке успешно переносятся на второй язык, на котором дети учатся читать намного быст- рее и легче, чем на первом, причем делают это уже во многом самостоятельно.

Литература

1. Чиршева, Г.Н. Основы онтобилингвологии: русско- английский материал: дис. ... д-ра филол. наук / Г. Н. Чиршева. – СПб., 2000.
2. Andersson, T. A. Guide to Family Reading in Two Lan- guages: The Preschool Years / T. A. Andersson. – Rosslyn: National Clearinghouse for Bilingual Education. – 1977. – URL: <http://ncela.us/files/rcd/BE017764/Familyreading.pdf> (Дата обращения: 23.01.2015).
3. Baker, C. Inside the Reader / C. Baker // The Bilingual Family Newsletter. – 1998. – V. 15. – № 2. – P. 2.
4. Castro, D. C. Promoting Language and Literacy in Young Dual Language Learners: Research, Practice, and Poli- cy / [D. C. Castro et al.] // Child development perspectives. – 2011. – № 5 (1). – P. 15–21.
5. Doman, G. How to Teach Your Baby to Read: The Gen- tle Revolution / G. Doman. – N.Y., 1964.
6. Durkin, D. Children Who Read Early: Two Longitudinal Studies / D. Durkin. – N.Y., 1966.
7. Fries, C. C. Linguistics and Reading / C. C. Fries. – N.Y., 1963.
8. Geva, E. Learning to Read in a Second Language: Re- search, Implications, and Recommendations for Services. In: Tremblay RE, Barr RG, Peters Ray, Eds. Encyclopedia on Ear- ly Childhood Development [online] / E. Geva. – Montreal, Quebec: Centre of Excellence for Early Childhood Develop- ment. – 2006. – URL: <http://www.child-encyclopedia.com/second-language/according-experts/learning-read-second-language-research-implications-and> (Дата обращения: 15.02.2015).
9. Jones, G. W. Biliteracy / G. W. Jones // The Bilingual Family Newsletter. – 1993. – V. 10. – №4. – P. 6.
10. Mayor, B. What Does It Mean To Be Bilingual / B. Mayor // B. Stierer and J. Maybin (Eds.), Language, Litera- cy and Learning in Educational Practice. – Clevedon, 1994. – P. 74–91.
11. Saunders, G. Some Answers to Your Queries / G. Saunders // The Bilingual Family Newsletter. – 1984. – V. 1. – №3. – P. 5.
12. Saunders, G. Some Answers to Your Queries / G. Saunders // The Bilingual Family Newsletter. – 1984. – V. 1. – №4. – P. 5.
13. Saunders, G. Teaching Children to Read at Home – a Look at Some of the Literature / G. Saunders // The Bilingual Family Newsletter. – 1986. – V. 3. – №2. – P. 4.
14. Saville, M. Handbook of Bilingual Education / M. Sa- ville and R. Troike. – Washington, 1970. – URL: <http://files.eric.ed.gov/fulltext/ED035877.pdf> (Дата обращения: 27.02.2015).
15. “Science” // SCIENCE.ORG: журнал о научных ис- следованиях и новостях в сфере науки – URL: <http://www.sciencemag.org/content/316/5828/1159.abstract?maxto- show=&HITS=10&hits=10&RESULTFORMAT=&fulltext=Wei- kum&searchid=1&FIRSTINDEX=0&resourcetype=HWCIT> (Дата обращения: 02.02.2015).
16. Smith, C. Teaching Japanese-English Bilingual Child- ren to Read English at Home / C. Smith // The Internet TESL Journal. – 1996. – №12. – URL: <http://iteslj.org/Articles/Smith-Bilingual.html> (Дата обращения: 19.02.2015).

УДК 82.0

И. В. Шаранова

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор М. А. Черняк

ФУНКЦИИ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКЕ

В данной статье рассматриваются наиболее типичные для современной литературной сказки функции интертекстуаль- ных связей и их обусловленность социокультурным контекстом.

Современная литературная сказка, интертекстуальность современной литературы, стереотипы массового сознания, игра с классическим текстом, реминисценция, аллюзия, пародия.

This article considers the most typical functions of intertextual links and their socio-cultural context conditionality.

Modern literary fairy tale, intertextuality of contemporary literature, stereotypes of mass consciousness, game with a classic text, reminiscence, allusion, parody.

Введение.

Одним из признаков адаптации литературной сказки к новым социокультурным условиям является

использование разнообразных интертекстуальных связей как с произведениями художественной лите- ратуры, так и с другими историческими и культур-

ными феноменами. Это проявляется в использовании сюжетных и образных заимствований, активном внедрении цитат из чужих текстов в новый контекст, создании аллюзий и реминисценций в текстах сказок. Р. Барт писал: «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат» [1, с. 208].

Основная часть.

Функции такой взаимосвязи разнообразны. Интертекстуальные связи могут служить основой сюжета всей сказки и толчком для его трансформации. Так, О. С. Левченкова, рассматривая влияние постмодернизма на современную сказку, писала: «Трансформируются и пародируются известные сюжеты, преобразуются знакомые герои. Аллюзии, ассоциации прочно входят в ткань сказочных произведений» [4, с. 79]. Сюжет, в котором концентрируются различные мотивы, обладает способностью расширять свои моделирующие возможности. Текст может быть полностью построен на цитатах, а из оригинала сохраняется один мотив и персонажи. Примером может послужить сказка О. Лукас «У самого синего моря» (сборник «Золушки на грани»), сюжет которой построен на мотиве возвращения старика к синему морю, а все остальные ходы заменены прецедентными ситуациями и цитатами. Вместо рыбки появляется желтая субмарина, звучат слова из фильма «Беги, Форрест, беги!» на английском языке: «Run, Forrest, Run!» [5, с. 4], далее используется целая сцена из фильма («Старик добежал до противоположного побережья, развернулся и победил обратно <...> Старик в ужасе рот рукой прикрыл, потом за лицо себя пощупал – и ахнул! Пока он бегал – у него борода до пола выросла» [5, с. 4]). Затем возникает образ из сказки А. С. Пушкина «Царевна-лебедь»: подбегает старик к морю, а там «поверх текучих волн лебедь белая плывет» [5, с. 4]. Третий раз идет старик к морю и возникает аллюзия на фильм «Джентльмены удачи»: «вместо старухи сидят два разбойника, пьют зелено вино из горла и интересуются: «Доцент, ты где был?»

– Рыбу ловил! – с перепугу признался старик.

– А шлем куда дел?» [5, с. 5].

Совмещение сюжетов также служит для создания новых поворотов в развитии событий. Подтверждение тому – сказка Лукас «Зелья отца Лоренцо». Совмещение двух сюжетных линий – трагедии У. Шекспира и сказки К. Льюиса – приводит к смене пафоса произведения: трагическое оборачивается комическим. Так, действие яда неожиданно: герой уменьшился, а героиня увеличилась в размерах. Затем они съедают таинственное растение, и он превращается в Чеширского кота, а она разлетается на тысячу светлячков. Вошедшие в склеп родственники, словно объятые безумием, начинают поедать все подряд. Леди Капулетти «принялась <...> поглощать лепестки розы» [5, с. 9] и превратилась в маленького зе-

леного человечка, отец Джульетты залпом выпивает таинственную жидкость и становится Монтекки. Вследствие смены пафоса меняется и финал произведения: через несколько часов чары над Ромео и Джульеттой развеялись, но их родственники превратились в чудовищ («Золушки на грани»).

Контаминацию использует и П. Бормор в своем сборнике юмористических сказок «Многобукаф. Книга для», соединяя сюжетные элементы двух литературных сказок, русской и датской. Злая королева задает вопрос волшебному зеркалу о своей внешности (А. С. Пушкин, «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях»), а затем разбивает зеркало, и «тысячи сверкающих игл брызнули в разные стороны, студеной северный ветер подхватил их и понес над землей. Кому-то осколок попадет в глаз, а кому-то и в сердце» [2, с. 17]. Так появляется отсылка к сказке Г. К. Андерсена «Снежная королева». Совмещение сюжетов позволяет установить связи между разными культурными кодами на уровне деталей. Способность создавать вертикальный контекст текста, включая его в межкультурный диалог, и порождать дополнительные смыслы в результате использования приемов интертекстуальности – одна из характерных черт произведений постмодернизма.

Однако на фоне низкой культуры современного общества обращение героев к мировым шедеврам создает комический эффект. Такова, например, интерпретация истории любви Данте и Беатриче в «Диких животных сказках» (сборник, выпущенный в 2005 г., является одним из самых известных сказочных циклов писательницы) Л. Петрушевской: волк никогда не видел селедку Хильду, но всех уверил, что она красавица, и сочинял песни о ней, а она слушала их по радио. Волк женат, и «они даже не здоровались, прямо как Данте и Беатриче из книги «Новая жизнь», "Vita nuova" [6, с. 41]. Другим примером снижения классического образа в современной ситуации является образ птицы-тройки из поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души»: пастух муравей Ленка напился и потерял стадо тлей. За тлей Зорькой пришли три диких тли, которых «муравей дядя Миша обротал их, запряг и с криком «Поди, поди!» помчался на тройке – эх тля, птица тля. Но помчаться не получилось» [6, с. 85], потому что потеряв управление и выехав на встречную полосу, попал в аварию.

Использование цитат может демонстрировать разницу между нравственным состоянием общества настоящего и прошедших времен, изменение жизненных ценностей. Так, например, неточная цитата из романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» в сказке А. Кабакова (цикл «Московские сказки» (2005 г.), получивший несколько литературных премий) акцентирует внимание на знаках счастливой, по мнению современного обывателя, жизни: «Дача большая была переведена на нее, старшие дети получали дачи среднюю и малую, «Волгу» она вообще сама водила, а по части сберкнижек все недвусмысленно регулировалось завещанием, ей на предъявителя, сыновьям именные – словом, все счастливые семьи, как известно, так живут, а несчастные как попало» [3, с. 28].

Проецируя классические ситуации на наше время, авторы часто показывают безысходность и трагизм современной жизни через сопоставление с исходным текстом: «Ну, три сестры, ну, в Москву, в Москву, а получается-то вон как... Одна в специнтернате гниет, другая по все еще необъятной, хотя и не такой, как прежде, стране ищет пропитания и угла с пацаном на руках, а третья-то и вправду... А вообще – при чем здесь сестры, Москва? То, что они сестры, да и Москва – это ничего не значит, у нас история совершенно другая» [3, с. 118].

Цитаты могут отражать авторскую позицию, особенно если они включаются в контекст лирических размышлений: «Ах, великая была держава! Третий, блин, Рим. А теперь <...> Но ничего, еще развернемся, еще все увидят, дайте только время, на что способны мы, с раскосыми, как верно сказал поэт, и жадными очами, еще поднимемся, и задрожит все вокруг! А мы станем любить друг друга человеческой и братской любовью, сочувствовать и помогать один другому... Пока же нужно терпеть и все прощать, все прощать и всем, поскольку обстоятельства у нас тяжелые, вот в чем дело» [3, с. 161].

Стереотипы массового сознания высмеиваются при помощи вольной интерпретации и использования знаковых для культуры феноменов: «Возникла у одного вольномыслящего краеведа, входившего от общественности в топонимическую комиссию, идея присоединить к Петрову еще и Водкина, но была тут же отвергнута, потому что никакого отношения к рассматриваемой улице этот художник не имел, аллюзии же и ассоциации могли возникнуть у рядовых граждан нежелательные. И действительно: от идеи возле ближайшего метро остались два конкурирующих заведения – кафе-бар «Петров-Водкин» и шашлычная с залом игровых автоматов «Красный конь» [3, с. 6]. Петрушевская, используя сниженную лексику («запишит», «Соплями обмотавшись» – ср. «сопливое» в значении излишне чувствительное), показывает искажение восприятия классических произведений нашими современниками. Так, И. С. Тургенев в «Пограничных сказках про котят» (2008) «впечатление от пейзажа» выражает, читая по бумажке чужую строку (стихотворение И. П. Мятлева «Розы»), и, таким образом, вся сложность проблематики произведения самого Тургенева, его размышления о взаимосвязи жизни и смерти, молодости и старости, мгновенности жизни снимается. Ситуация униженной зависимости автора от бабушки и игра слов (в банку набралась вода и бабушке пришлось сливать ее аккуратно, «чтобы не слить и Тургенева») создает комический эффект.

Обращение к культурной памяти массового читателя обусловлено стремлением разрушить стереотипы восприятия классических текстов. При обращении к ним современные сказочники явно тяготеют к деконструктивизму. Интертекстуальность может реализовываться в виде включения в текст целых других текстов или их фрагментов другим субъектом речи. Подобный прием применяет Е. Клюев, писатель, переводчик, журналист, специалист по лингвистической прагматике, в книге «Между двух

стульев» (редакция 2011 г.), используя для лингвистического анализа известные тексты (сказка «Курочка Ряба», детское шуточное стихотворение о зайчике, потешка «Баба сеяла горох», скороговорка «Ехал грека через реку»). Этот прием позволяет обнажить алогизм действий героев, который при обычном употреблении текста остается незамеченным. Так, например, созданию комической атмосферы способствует обыгрывание «Песни о соколе» М. Горького. Приемы игры с прецедентным текстом различны. Чужой текст играет роль эпиграфа к сюжетной ситуации: Петропавел, являющийся героем-спасителем, в противостоянии с Муравьем-разбойником будет вести себя так же, как Уж, что вызывает комический эффект.

Для понимания подобной культурологической игры необходим общий для автора и читателя культурный фон, который включает знание современной социокультурной ситуации и прецедентных текстов. Сюжеты их воссоздаются, как правило, в иронической тональности. Так, одна из сказок сборника П. Бормора «Многобукаф. Книга для» содержит аллюзию на древнегреческий миф об Атланте, в роли которого оказывается дракон. Однако рыцарь убивает его не для того, чтобы выполнить трудное поручение, а лишь затем, чтобы побыть немного драконом. Сокровища его не интересуют, и хранителем он не станет. А Галатея устраивает сцену ревности Пигмалиону и ругается с ним из-за целлюлита. Автор использует характерный пародийный прием: мифологические персонажи как бы наряжаются в современные одежды, обсуждают те проблемы, которые волнуют наших современников, обнажая тем самым их низкую сущность.

Текст «Московских сказок» А. Кабакова насыщен аллюзиями и реминисценциями в духе постмодернизма. Они также способствуют ироническому осмыслению нравов современников. Так, сюжет о Вавилонской башне получил широкое осмысление в европейской литературе. Иван Добролюбов решает построить небоскреб «Бабилон» для обеспеченных москвичей. У людей же название не вызывает ассоциаций с легендарным городом: «Слушай, брат, обратилась гусеница к Добролюбову, твоя же фирма «Бабилон» называется, так? Давно хочу у тебя спросить, в каком смысле Бабилон, а? В смысле бабла, правильно? В смысле там же метр стоит немерено, да? В том смысле, что несите, значит, бабло, ну? В смысле того, что куда бабло несут, там и Бабилон, нет? И опять не успел ничего ответить Добролюбов, а Болконский вмешался из-за спины любопытного мужчины. Если бы от бабла, сказал наследник богатых культурных традиций, то получилось бы «баблон», а Бабилон – это в честь песни. Знаешь, братан, есть такая песня: «О, Бабилон! Йе! Там-там-туда-туда... О, Бабилон... Йе...» [3, с. 47]. Такое обыгрывание звучания слова расставляет приоритеты в жизненных ценностях героев. Игра с фразеологическими выражениями позволяет показать наивность и жадность масс, не обращающих внимание на очевидные вещи: «И никто в связи с воздушностью покупок и песчаной основой предприятия не вспоминал широ-

ко известных идиом – все эти старинные идиомы среднему классу до фонаря» [3, с. 51]. Кроме того, в «Московских сказках» широко представлены реминисценции на классическую русскую литературу, что создает культурно-историческое пространство текста и способствует формированию нравственных идеалов («Ревизор» Гоголя, «Борис Годунов», «Медный всадник», «Маленькие трагедии» Пушкина). Несчастный еврей Кузнецов, жизнь которого исковеркал пятый пункт в паспорте, иронично сравнивается автором с вечным странником Агасфером, а имя матери Ивана Добролюбова – Лаура Ивановна – и ее роман с «ходоком» (Дон Ходок – в значении любитель ходить по женщинам) Ивановым отсылает к легендарному сюжету о Дон-Жуане.

Кабаков повторяет полностью сюжетную линию «Сказки о Красной Шапочке». В кульминационный момент авторская ремарка обнаруживает стереотипное развитие событий: «Ну, что, давно догадались? Правильно. Дальше все будет именно так, как вы думаете» [3, с. 123]. Однако автор, в целом сохраняя сюжетные ходы, допускает в повествовании неточности. Подобная игра с читателем позволяет акцентировать внимание на тех деталях, которые становятся значимыми для характеристики героев в новую эпоху. Красная Шапочка теперь вовсе не наивная добрая девочка, а Волк – не голодный зверь, а коварный бандит. Современные охотники – знакомые Людмилы, милиционеры, убивают бомжа и сжигают его труп: «Посмотрели потом документы – надо же, и фамилия русская, Волков, не из черных, а такой зверь. Завернули в тот же клетчатый платок, загрузили, а на свалке кинули, там свалка недалеко, нашли место, где мусор и без того тлеет, ну, еще и бензинчику плеснули» [3, с. 126]. Судьба современного Волка вызывает сочувствие у читателя и отвращение по отношению к «охотникам», которые по долгу служебному обязаны следить за соблюдением закона и охранять граждан, а на деле являются преступниками. А Красная Шапочка из милой наивной девочки в нашем мире превращается в хищницу: «Вот, собственно, и вся сказка. Болит душа, Люда? Болит, что ж поделаешь. Жалко мужика-то, хоть он и волчара был? Жалко. Простила ты ему все давно, потому что и про себя знаешь такое, что лучше бы не знать» [3, с. 128].

Важную роль в современной сказке играют аллюзии на советское прошлое, часто звучат они как саркастическая насмешка. Так, Кабаков, Лукас, Петрушевская в своих сказках воссоздают образ вождя мирового пролетариата с помощью характерных особенностей речи и жестов. Так, например, воссоздается речь В. И. Ленина в пародийном ключе в «Московских сказках»: «– Товаг-гищи, – сразу закричал оратор, привычно позируя для памятника в позе ловца такси, – безобг-газие, о котог-гом твеггдили большевики, свег-гшилось! Я умег-г, но тело мое живет и даже кое-где болит – отлежал, товаг-

гищи! Тепег-гъ надо быстг-генько взять мосты, вокзалы, почту и телег-г-гаф, а дальше само пойдет! Долой живых, товаг-гищи, вся власть мег-гтвому пг-голе-таг-гиату...» [3, с. 276]. Это характерная тенденция литературы постсоветского периода, для которой «излюбленным объектом языковой рефлексии и языковой игры становится советский дискурс – травестирование, пародирование, вышучивание лозунгов, призывов [6, с. 296]. Изменение идеологических и нравственных парадигм, произошедшее в конце XX века, закономерно потребовало ломки и высмеивания старых авторитетов.

Выводы.

Таким образом, литературная сказка в контексте разговора об интертекстуальности современной литературы представляет особый интерес. Взаимодействие авторского и чужого текстов в литературной сказке XXI века преследует несколько целей. Чаще всего чужой текст становится основой для создания сюжета на основе архетипов, позволяющих анализировать проблемы современной действительности. Тексты предшествующих эпох иронически переосмысляются при столкновении с современной реальностью. При этом используются аллюзии и пародии на прецедентные тексты, симулякры образов, разрушающие сюжетные схемы и служащие для переосмысления классических образов. Данный прием позволяет увидеть те изменения, которые произошли в сознании и системе нравственных ценностей современного человека, и способствует выявлению авторской позиции через сопоставление с используемым источником. Кроме того, он служит для высмеивания стереотипов массового сознания. Включение отдельных мотивов и образов в современный контекст отражает историко-культурные и литературные связи разных эпох и создает историко-культурные, эстетические, сюжетные, характерологические, жанровые, стилевые контексты.

Литература

1. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М., 1989
2. Бормор, П. Многобукаф. Книга для / П. Бормор. – М., 2007.
3. Кабаков, А. А. Московские сказки / А. А. Кабаков. – М., 2005.
4. Левченкова, О. С. Феномен чуда в русской литературной сказке 30–90-х гг. XX века / О. С. Левченкова // Филологические науки. – 2000. – №5. – С. 72–80.
5. Лукас, О. Золушки на грани / О. Лукас. – М., 2007.
6. Петрушевская, Л. С. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4 / Л. С. Петрушевская. – М.; Харьков, 1996.
7. Черняк, В. Д. Языковые процессы в литературе конца столетия / В. Д. Черняк // Современная русская литература (1990-е гг. – начало XXI в.). – 2005. – С. 296.